

Китайские впечатления

I.

Шанхай, Ханчжоу, Кантон, Ханькоу...

Кому из советских людей моего поколения не знакомы названия этих знаменитых городов!

И о каждом из них свое, особое представление.

Шанхай... Колыбель Китайской компартии, город связанный с именем замечательного китайского писателя Лу Синя, город великих боевых пролетарских традиций.

Ханчжоу... Город-легенда, в котором сохранилась и живет душа китайского национального искусства. Город поэтов, город художников...

Кантон... Еще в юношеские годы с замиранием сердца следили мы за газетными сообщениями о подвигах героической кантонской коммуны, о первых жестоких боях китайского пролетариата...

И вот по приглашению наших любезных хозяев мы собрались в путь-дорогу, Пекин—Кантон. Мы — это делегаты двенадцати демократических стран, прибывшие в Китай на смотр драматических театров.

Восьмого апреля шанхайский поезд, напутствуемый нашими дорогими друзьями, трогается в путь.

Поздний вечер. Мы расходимся по своим купе, и в памяти невольно встают эти счастливые недели, которые мы провели в столице братского Китая.

Глядя на уходящие огни Пекина, мы вспоминаем спектакли смотра и в первую очередь, конечно, потрясающий по своей трагической и душевной силе «Великий поход», написанный и поставленный выдающимся театральным деятелем Китая Чэнь Ци-туном.

Надолго останется в нашей памяти скромный политрук Ли Ю-го, в роли которого талантливый китайский актер Лань Ма с такой потрясающей силой выразил глубоко национальный облик рядового героя-коммуниста. Размышляя об игре Лань Ма, еще раз понимаешь, что большого художественного успеха актер может добиться, только сумев выразить национальные черты своего героя.

Вспоминаем мы и «Грозу» замечательного писателя Чао Юя. Эту пьесу, написанную с горьковской силой обличения, полную динамики и темперамента, тонко, выразительно и умно представил нам Пекинский художественный театр, обладающий превосходным актерским ансамблем.

И еще многие и многие спектакли смотра вспоминаем мы и приходим к мысли, что собранные воедино спектакли эти являют собой как бы своеобразную энциклопедию современного Китая.

Однако наши пекинские театральные впечатления не исчерпываются спектаклями смотра. В эту ночь отъезда мы думаем и о тех выдающихся спектаклях Пекинской оперы, которые посчастливилось нам увидеть в столице. И тут вспоминается прежде всего виртуоз китайской классической сцены Ли Шао-чун, которого я не побоюсь назвать великим артистом. Впервые мы познакомились с ним в роли Сунь У-куна — царя обезьян, он покори нас тогда не только выразительной пластикой своего тела и высокой техникой сценического движения, но и неподдельным комедийным блеском исполнения.

Каково же было наше удивление и восторг, когда мы увидели его в трагической роли начальника гвардии в классической опере «В кабаньем лесу», где он обнаружил поистине эпи-

ческие стороны своего таланта. Образ великодушного и честного китайского воина был исполнен им в благородной реалистической манере, однако свою законченную, театральную выразительность он получил благодаря высокой актерской технике, которой он владеет с таким избытком. Его великолепная игра в сцене, когда вероломные враги срывают с него одежду полководца и предадут жестоким пыткам, навсегда останется в моей памяти, рядом с величайшими актерскими достижениями Ф. Шалалина, Л. Леонидова и Н. Хмелева.

Вспоминая об опере «В кабаньем лесу», хочется отметить блестящую игру и другого выдающегося мастера китайской сцены Юань Ши-кай, создавшего в роли заблудыги-монаха необыкновенно живой и сочный образ, в чем-то несомненно перекликающийся с шекспировским Фальстафом.

Очень интересны были и другие спектакли Пекинской оперы. Нежная и поэтическая «Белая змея» в обработке старейшего деятеля китайской сцены Тянь Ханя и экспериментальная работа другого ветерана китайского театрального искусства Оу Яна, показавшего в «Персиковых цветах» трогательную историю двух нежно влюбленных сердец средствами реалистической оперы-балета.

Большие потенциальные возможности заложены, как нам кажется, и в работе Китайской экспериментальной оперы «Песнь степей», которую все мы посмотрели с удовольствием и интересом. Вероятно, этот жанр, близкий к современной европейской опере, получит в Китае свое дальнейшее развитие.

Все дальше и дальше удаляется от Пекина поезд. Глубокая ночь, но нам не спится. Упрямая память заставляет нас вспоминать наших новых пекинских друзей, незабываемые с ними встречи, чудесные парки и неповторимые дворцы столицы.

Сколько счастливых воспоминаний о китайской земле увезем мы на родину!

Ночь. Поезд мчит нас на юг, где нас ждут новые волнующие встречи. Все дальше и дальше Пекин. И мы, наконец, засыпаем, переполненные радостными воспоминаниями.

II.

И вот поезд снова приближается нас к Пекину.

Три недели продолжалась наша поездка по Китаю. Сколько интереснейших встреч, знакомств, событий случилось с нами за это время, какими великолепными спектаклями обогатилось наше представление о китайском театре!

И как трудно выбрать из этого вороха впечатлений самое значительное, самое важное. А еще труднее, пожалуй, коротко рассказать об этом.

Вспоминается раннее шанхайское утро, когда мы — советская делегация — совместно с чешскими, албанскими и болгарскими товарищами возложили венки из живых цветов на могилу великого Лу Синя. Прямо с кладбища мы отправились в дом-музей его имени, где познакомились с материалами о его жизни и творчестве, которые с такой бережной любовью собраны в этом скромном, тихом домике.

Не забудется нами, вероятно, и посещение шанхайского Дворца пионеров. Здесь в лице наших маленьких хозяев мы нашли не только преданных и веселых друзей, но и талантливых певцов, танцоров, авиаконструкторов, вышивальщиц

и, наконец, отличных мастеров кукольного театра. С большой неохотой покидали мы этот гостеприимный дом, где провели несколько счастливых, веселых часов.

Из театральных впечатлений Шанхая в первую очередь вспоминается, конечно, Шаосинская опера. В музыкальной пьесе «Уездный начальник и знатная злодейка» мы увидели знакомому советскому зрителю по гастроллям в Москве, Ленинграде и Свердловске Фан Жуй-цзюань. На этот раз она с тонким чувством юмора исполнила роль смелого и хитрого начальника уезда. (Как известно, в Шаосинской опере мужские роли исполняются женщинами).

Блестящая игра Фан Жуй-цзюань в роли этого уездного китайского Фигаро еще раз говорит о тех больших возможностях, которые предоставляет для актрис форма Шаосинской оперы, позволяющая им создавать такие яркие, характерные образы, подобные ловкому уездному начальнику Тан Чену.

Ханчжоу... Вряд ли когда-нибудь забудем мы прекрасное озеро Сиху, с низкими, клонящимися к воде ветвями ив, с яркоокрашенными цветущими персиковыми деревьями... Поистине, Ханчжоу с его парками, дамбой, озером, садами может быть названо жемчужиной Китая. Особенно радует то, что с каждым годом город, озеро, лодки делаются все краше; в этом году здесь высажено несколько тысяч новых деревьев, очищаются заболоченные места, озеро становится еще шире, еще просторнее.

Интересовались мы и театральным искусством Ханчжоу. Здесь нам показали знаменитый, традиционный для Китая, театр теней. Мастерство работников этого театра изумительно. Мы от души хохотали над уморительной историей о маленькой обезьянке, пытавшейся позвонить с колокол, и об ее друге медвежонке, вызволившем обезьянку из беды.

В Ханчжоу познакомились мы и с замечательными представителями местных опер. Огромное впечатление произвел на нас отрывок из Тиньхуанской оперы «Сливовые цветы в снегу».

Медленно бредет по дороге немой старик-бедняк со своей дочерью. У нее парализованы ноги, и он несет ее на спине. Туловище старика и ноги девушки — это муляж, кукла, выполненная действительно искусно. Об этом, однако, догадываешься не сразу, так поразительно играет актриса обе роли, если можно так сказать, — ноги старика и туловище девушки.

Вот старик изнемогает, падает от усталости, дорога идет в горах; того гляди, они оба упадут в пропасть. Полные ужаса глаза девушки, ее широко раскрытый от страха рот удивительно контрастируют с мертвенным, застывшим лицом старика.

Тридцать минут продолжает этот удивительный монолог, исполняемый Чжоу Юэй-сен с удивительным блеском, артистичностью и точностью. Много радости доставила нам в Шаосинской опере «Гора Дин-лин», новая встреча с нашим старым знакомым Сун У-куном — царем обезьян, который на этот раз предстал перед нами в исполнении Чжан Цзун-и. Талантливый артист, ни в чем не подражая Ли Шао-чуну, создает свой, оригинальный образ, выделяя в обезьяньем царя черты сметливости, ума, дружелюбия, свойственные этому любимому театальному герою Китая.

Этот спектакль, очень, кстати, отличающийся от обычной формы Шаосинской оперы, поставлен в ярком, балаганном стиле старинного ярмарочного представления. Он по-настоящему народен и горячо принимается зрительным залом.

Кантон... В первый же день приезда мы посетили Дом-музей курсов крестьянского движения, которыми в 1926 году лично руководил товарищ Мао Цзэ-дун.

Сколько воспоминаний и размышлений вызвала у нас эта колыбель китайского революционного движения, где преподавали Чжоу Эн-лай, Го Можо и другие выдающиеся деятели народного Китая! Когда через два дня, совершив путешествие по Жемчужной реке, мы приехали во фруктовый кооператив «Сячжоу», мы увидели воочию плоды той работы, которую тридцать лет назад вели курсы под руководством молодого товарища Мао Цзэ-дуна.

Земля здешняя не только необычайно живописна, но и удивительно обильна по урожаю. Когда-то, сто лет назад, предки нынешних членов кооперативов сажали здесь сахарный тростник, — сейчас тут вырезают сливы, персики, бананы, лимоны, апельсины и многие другие плоды с неизвестными для нас названиями. В нынешнем году 700 дворов (все население полностью) вступило в этот кооператив высшего типа. Немедленно после его создания была поднята целина, и фруктовые деревья совершили путешествие с маленьких единичных крестьянских участков в огромный новый фруктовый сад, заложенный по существу еще тридцать лет назад в старинных зданиях «Дачэмынь» и «Дачэндянь» нынешними руководителями государства.

Ханькоу... Последнее наше впечатление о жизни Китая было несколько иного рода. На рассвете мы пересекли реку Янцзы, переправляясь на пароходе из Учана в Ханькоу. В темноте поблескивали на воде далекие огни огромного строительства — это руками китайских рабочих возводился первый мост через Янцзы, эту величайшую реку.

Снова ночь.

Наш поезд только что пересек Желтую реку, и мы вступили в северную часть Китая. Скоро Пекин. Наша дорога подходит к концу.

Я пишу эти строки в салон-вагоне, где собрались иностранные делегаты, едущие на праздник Первой мая в Пекин, — индонезийцы, новозеландцы, датчане, австралийцы.

Сегодня здесь нечто вроде вечера дружбы народов. Австралийцы поют свои веселые песни, в которых без труда можно узнать интонации английских народных напевов. Новозеландцы на два голоса поют грустные песни Маори, а индонезийцы свои задумчивые, так полюбившиеся у нас в Москве, песни.

Но вот один из индонезийцев поет на русском языке нашу «Катюшу»... За ним мой спутник, делегат смотра, немецкий писатель Хаузер исполняет Брамса. Нельзя отставать и мне — ведь у нас в России чудесные песни.

А когда индонезийские делегаты хором начинают петь песню о Вандунге, песню единства народов Азии, наше путешествие и поезд, мчащийся по ночному Китаю, и этот вагон, в котором поют песни народов всех стран, — все это приобретает какой-то иной, глубокий смысл.

Новое солнце восходит над Азией. Оно уже взошло над Китаем.

АЛЕКСЕЙ АРБУЗОВ